

Катерина Файн

Alina pro
монопъеса

Санкт-Петербург, 2011

katfine@yandex.ru
<http://katfine.narod.ru>
+7-911-161-65-62

Действующие лица:

АЛИНА – живет одна, работает продавцом в зоомагазине. Имя Алина в переводе с латинского – чужая, другая

Комната Алины. Слегка мрачноватое, запущенное жилище в мансарде старинного дома. На заднике – огромная карта города. Помимо обычного набора вещей и мебели (кресло, кровать, магнитофон, чайник, журнальный стол, ножку которого подпирают две книги), на полу хаотично расставлены мягкие домики для кошек в количестве четырех штук. При отсутствии животных у нашей хозяйки, надо полагать, что подобной натурой выплачивают тринадцатую зарплату в зоомагазине.

Утро. Появляется Алина в домашнем халате с биноклем в руках. Зевает, нехотя делает зарядку. Марширует вокруг домиков, забирается на стремянку, стоящую у окна. Внимательно смотрит, улыбается. Окна Алины выходят во двор театра. В свободное от работы время она наблюдает за противоположным окном, где размещается гримерная Актрисы.

А л и н а. Что за прелесть эти ручки! Эти пухленькие белые пальчики! В колечках от «Сваровски», наманикюренные, пропитанные кремом «Виши» и еще черт знает какими маслами и гелями... Ах, мечта Кассандры! Мне б такую кожу! Ой, ладошки протирает, каждый пальчик... За день три пачки влажных салфеток ухлопывает. Чистюля! Что за жизнь! Не жизнь, а «Сказка сказок»! Пятьдесят процентов времени она проводит в гримерке. Ощущение такое, что здесь она и живет. Но если хорошенько разобраться – неплохо устроилась! Стол, диван, микроволновка... Ножик, вилочка, и мизинчик в сторону... Прием пищи по часам. Бом-бом-бом! О, одиннадцать утра! Приятного аппетита, мадам! Это ж надо, а? Во, блин, реалити-шоу! Что у нее там? Помидоры, красный перец, редиска, свекла... Хоть бы солью посыпала. Господи, клубника! Неужели, вместе с помидорами жрать будет?! Ой, нет... Щеки намазывает. Точно. Это же маска! Надо и мне. (*уходит за кулисы, возвращается на стремянку, вынимает из кармана зеркало, мажет лицо клубникой*). Краснею на глазах, как юная смолянка... Порядок! (*продолжает наблюдать в бинокль*). Странный завтрак... Какой-то моноколор. И плакат на стенке с красными помидорами... Таких помидоров не бывает, фотошоп! Интересно: почему все красное? А не желтое, например? Ой, и платье красное надела. Фанатка! Может, влюбилась? В своего режиссера лысого... О! а вот и он – Стручок косоглазый. Красавец! Пуховик новый?! А че такой облезлый? (*пауза*). Ах, это кошка на пальто полежала... Ясно. Че-то нынче без веника, денежку на гвоздички пожалел. Наверное, зарплату не выдали... Тоже мне – мелкий режиссер крупного плана! (*вздыхает*). Какая банальщина! Новую пьесу притащил... Нет, не влюбилась. Даже маску смывать не стала. Актриса! Хорошо актрисам, у них на три шага вперед все разыграно: она уже десять раз – мысленно – с ним трахнулась, вышла замуж, изменила и развелась. И все по Станиславскому. Надо было в Театральный поступать. Сейчас бы в одной

гримерке сидели... Ну, или рядом. Может, я тоже талантливая. Только лысый об этом не знает. Он вообще обо мне ничего не знает. И никто обо мне не знает... *(спускается с лестницы)*. А я хорошая, добрая. Я кошек люблю, у них на мордочке смайлик... *(глядит домик)*. Правда, завести не могу, у меня на шерсть аллергия. Я и в зоомагазин-то пошла, чтобы на хозяев смотреть. Они такие особенные, кошачьи хозяева – все время что-то покупают, покупают... В основном, конечно, еду и наполнитель для туалета, но, бывает, и игрушки берут – мячики там всякие... А завтра к нам в магазин GPS-ошейники привезут. Такой прикольный девайс! На форумах много о нем пишут. Наверное, скоро и для людей что-нибудь подобное сделают. Скорей бы! Тогда я наконец-то увижу, в какой точке мира... *(подходит к карте, вглядывается)*. Да что я, в самом деле? Все точки давно превратились в одну запятую на Лахтинском. Где ему еще быть в воскресенье? Хотя, можно встать, одеться, пойти купить выпить и вернуться домой на следующее утро. Вот ведь: шесть неправильных глаголов, а какая верная мысль! Ах, если бы еще время не бежало, как стрелка на капроновых колготках, – так резво и некстати... *(подходит к домику, обращается к нему)*. Жаль, что после твоей смерти твоя квартира не станет музеем. А то раз в неделю можно было бы собирать твоих жен в качестве экспонатов... В принципе, я готова. Этакая выставка перебежчиков – веселые женщины поэта: обзорная экскурсия в 90-ые годы второго миллениума. *(подходит ко второму домику, берет в руки)*. Это Лариса. Помнишь? Она из большой многодетной семьи. Работала официанткой, укладывалась прямо на разделочном столе. Ела за четверых, но при этом оставалась худой и бледной. Роскошна, как Клаудиа Шиффер, но глупа, как группа «Блестящие». Досталась тебе от старшего брата – ты ведь всегда донашивал его вещи! Сбежала через два месяца. *(подходит к третьему домику)*. А это Роксана. Та наоборот, из детдома. Сирота. У нее даже подруг не было. Любила спать на полу. Крайне неприятельна, но обидчива до истерик. Обожала леопардовых черепах и писателя Максима Горького. Насколько я знаю, прожила с тобой дольше всех – четыре года! *(подходит к четвертому домику)*. А это я – из неполной семьи секретарши главного инженера, по вине которого семья стала неполной. В меру цинична, умна и чуть-чуть капризна. Как видишь, я не лишена самокритики. Я лучше всех твоих жен, но хуже мамы... *(смеется)*. Ах, Эдичка, тебя всегда штормило, из крайности в крайность, и только я оказалась средним вариантом. Но меня тошнило от твоих штормов. Удивительно! Мы стали так далеки, что мне все время хочется сказать тебе «вы», когда ты – изредка! – поздравляешь меня с Днем рождения «в контакте». От этого «вы» мне хочется выть. «Вы» – предельная степень отстраненности, дальше только имя-отчество. О, Господи! Мы так постарели за это светлое будущее время, что скоро к моему прекрасному «Алина» в нашем зоомагазине станут прикручивать это ужасное отчество. Вернее, от-чем-ство, потому что родного папы у меня не было... *(берет зеркало, салфетку, снимает клубничную маску)*. Ну вот, опять передержала! Все засохло... Хорошо быть леопардовой черепахой, у нее все медленно, неспешно. Кроме того, черепаха не стареет, она сразу рождается старой.

Звонок мобильного телефона. Алина с трудом находит трубку.

А л и н а. Але! Да, это Алина. Здравьете! Объявление? Давала. Нет, пока что не продано. Наверное, вас дожидается. Вы музыкант? Ах, только учитесь? Замечательно! Тогда это то, что вам надо! Клавиши называются Alina Pro PS-200. Это цифровое пианино. Хотите послушать, как оно звучит? *(подходит к магнитофону, нажимает кнопку, звучит музыка. Алина танцует, затем выключает магнитофон)*. Вам нравится? Еще бы! *(достает из кармана мятый листок, далее читает с придыханием по бумажке)*. Песенный секвенсор, метроном, реверберация, автогармонизация, 88 клавиш с чувствительностью к касанию, 90x60x90, ой простите – 86x140x54, вес 61. Хотите посмотреть? Можно на той неделе. У меня небольшой беспорядок... Если вы не против, я сама могу позвонить... Ах, уезжаете? А куда? На Кубу? Что ж, звоните, когда вернетесь! До свидания! *(вешает трубку)*. Не судьба. Ну, ничего, подождем... Глядишь, годам к шестидесяти все и наладится. Хотя, чем дальше, тем непритязательнее выбор. Бред какой-то! Жизнь идет, а я стою. Не могу перейти улицу, словно красный свет впереди... И, казалось бы, что мешаешь?! Ведь все идут, идут правильно, на зеленый. А я стою. Меня обходят, толкают, а я продолжаю стоять. Молча. А иногда мне кажется, что вот-вот наступит момент, когда все пойдет в обратную сторону: платье распустится и станет нитками; дверь, за которой я сплю, станет деревом; а вслед за весной будет зима... И только я останусь прежней – голый молчаливой идиоткой с кучей комплексов. А комплексы нынче не в моде. Комплексы надо хранить в шкафу, где шубы и нафталин. Таких, как я, надо прятать и никому не показывать. А, может, наоборот: выставлять в дорогой витрине – негативный пример тоже пример! А хочется, как в детстве – жить без оценок и ждать, ждать, что все когда-нибудь будет, что все самое хорошее только начинается, и писать свою историю не в черновик, а сразу, набело. Но это почти нереально. И поменять что-то почти нереально. Привычка! Она есть даже у этого стола. Он привык к своей хромой ножке, привык, что держится на двух книгах. И если их вынуть, стол упадет. *(вытаскивает книги, стол слегка наклоняется)*. Но даже если не упадет, то, по крайней мере, потеряет равновесие. *(рассматривает книги)*. «Клиническая психотерапия». Интересно, но пока рановато... «Практический фэн-шуй для начинающих». О, вот это может пригодиться! Так... *(читает)*. Фен-Шуй – древнее китайское искусство жить в гармонии с окружающим миром. Китайцы верят, что если правильно расположить дома и имущество, человек сможет жить в счастье, изобилии и довольстве. Что нужно делать, чтобы стать счастливым? Лучший способ улучшить энергетику дома, не прикладывая больших усилий, это переставить мебель. Ха! Если бы все решалось так просто! Ну, да ладно, попробуем. *(переставляет домики для кошек, слегка двигает стол)*. Зашибись! Только нигде не пишут, когда будет результат. По-моему, это какая-то разводка. Инструкция для овец. Все они шарлатаны! И астрологиня, у которой я третьего дня ползарплаты оставила. Ведьма! Кругом одни жулики! Все ради денег! Им волю дай, так они себе и саван с карманами пошьют!

(пинает ногой домик). Радости какой-то хочется, праздника. А праздника все нет... (залезает на стремянку, смотрит в бинокль). Пьесу читает, вникает. Или это уже не пьеса? Что-то глянцево... Буклеты какие-то, афиши... Плохо видно... Театральный конкурс? Или премия? Зоо... Шрифт мелкий! Зоо... Золотой софит! Ого! Что она делает?! Что она делает?! Ты смотри, а! Взяла и все порвала. Ну, ни дура ли? Ой, злока! Аж позеленела. Когда она злится, прям молодеет. Да... а я и не знала про такое высокомерие... А с другой стороны, понятно, почему она не участвует. Потому что боится быть не первой. Что ж, имеет право. Полет случается не только в небо, но и обратно. А публика любит успешных. Вот я, например. Пока в аспирантуре училась – ну, просто незаменима была. Сплошные тусовки! Звонили, ходили, приглашали, упрасивали. А стоило уйти продавцом в магазин, сразу все отвернулись. Как же! Не наш социальный статус! Ну, кафедра – понятно. А подружки-то где? Мои портативные подружки, готовые в любой момент законнектиться где-нибудь в ночном клубе или дорогом ресторане?

– Мадам, что вы будете кушать?

– Мне, пожалуйста, ниф-ниф, а на гарнир фри-фри. Ха-ха!

А молодые люди? Ну, ладно, ладно, не молодые, но умные, современные, талантливые! Ося – программист, Кеша – гитарист... (обращается к домику). Ау, Эдичка! Ты тоже был в наших рядах, верно? Цитировал Гегеля, дарил шоколадки, играл на рояле... А потом выяснилось, что мы разные, и я никак не могла отгадать – почему?! Ведь главное для нас обоих – творчество, а это сильно сближает, я так думала. Но вскоре поняла: для тебя творчество – это проповедь, а для меня – исповедь. А, кроме того, я никак не хотела походить на твою маму! В общем, точка кипения миновала, кому-то надо было уйти. Вернее, переместиться, как шахматная фигура, на следующую клетку. Ход был за мной. И я осталась одна – в мокром купальнике, на берегу залива с песком в сандалиях. Сидела до сумерек, до последней электрички: ведь если больше не ждут, значит, можно не торопиться! Позади был развод, а впереди только синий горизонт и моя незащищенная диссертация: «Концепция комического во французской авангардной драме». Но теперь я переживала собственную драму, и мне было не до французов. Сработал принцип домино: ты ушел из моей жизни, я ушла из института, а через год разогнали нашу кафедру... Ах, узнать бы, кто же сочинил эти дурацкие диалоги для нас с тобой в тот вечер? Не сами же мы их придумали! Ведь кто-то же их написал... Нет, я ни о чем не жалею, все нормально. Если бы в семнадцатом году мою бабушку пристрелила «Аврора», меня бы вообще на свете не было. А так – ничего, живу. И зарплата хорошая, и квартира удобная – недавно переехала. А ты все там же – в новостройках из «Лего», куришь кальян, и до метро полчаса добираться. Сочиняешь верлибры, печатаешь за свой счет, даришь друзьям. Потому что покупателей нет! А я за эти годы узнала много нового: например, про кошачьи прививки, про клетки для попугаев, про собачью одежду, про кормушки для рыб. (пауза). Интересно, рыбы плачут? Наверное, да... Рыбка плакала-плакала и наплакала себе целый аквариум... Нет, это, правда, интересно, а главное – людям нужно и животным. А что узнал ты? Сколько стоит издать брошюрку из

сорока восьми страниц для твоих бюджетных стихов? Смешно! Видишь, Эдичка: мы расстались, а у тебя ничего не изменилось. И счастья не прибавилось. Тебя уже тошнит от трамвайных билетов: ты их жрешь, а счастья нет. Одна болтовня... Я помню, как ты, на полном серьезе, втирал мне – абсолютной компьютерной дуре – что если в свойствах «дата и время» переставить год – этот год обязательно наступит. Но сделать это можно только 29 февраля ровно в полдень. И я верила тебе, как синей Советской Энциклопедии. Но наш роман завершился раньше, чем наступил високосный год. Твоя болтовня так и осталась мною проглоченной... Кстати, отчего ты до сих пор не женился? Нет девушки, на которую можно себя повесить? В таком случае, надо жениться на люстре. А, может, ты мучаешься нашей несовместимостью?! (*пауза, смотрит в потолок*). Это кто сейчас сказал?! Я? Ага, скорее, небо на землю рухнет. Ты всегда был пофигистом! Или пацифистом? Не важно! Однажды на Новый год ты подарил мне большую коробку конфет. Это был царский подарок! Ты редко дарил сладкое, боясь, что я растолстею. Когда я открыла этот бумажный сундук, с ужасом обнаружила... пыль! Очухавшись минут через двадцать, взглянула на дату: конфеты были сделаны до моего рождения. Стоит ли говорить, куда я вынесла содержимое этой коробки? Впрочем, это вовсе не говорит о твоей жадности – здесь, скорее, забывчивость: кто-то принес, ты вовремя не съел, а тут Новый год... Нет, на тебя совершенно невозможно сердиться. Твои косяки умиляют! Как странно: у меня не осталось ни одной твоей фотографии. Только общая, институтская, где стоишь ты шестым во втором ряду. Шестым, Эдичка! Ни первым, ни вторым – крайним! И стишки твои – крайние, неприметные. Ты можешь обкуриться до глюков, обыграться на своей пианоле до глухоты, но ничего нового все равно не изобретешь – ни в отношениях, ни в искусстве: семь нот, десять заповедей, тридцать три буквы, тридцать шесть сюжетов... Остальное вторично! И придуманный тобою трехъярусный зонтик кем-то наверняка уже запатентован.

Звонок мобильного телефона.

А л и н а. Але! Да, это Алина. Здравсьте! Объявление? Давала. Нет, пока что не продано. Наверное, вас дожидается. Вы музыкант? Композитор? Здорово! А что сочиняете? Музыку? Что вы говорите! Рок-оперу? Тогда это то, что вам надо! Клавиши называются Alina Pro PS-200. Это цифровое пианино. Хотите послушать, как оно звучит? (*подходит к магнитофону, нажимает кнопку, звучит музыка. Алина танцует, затем выключает магнитофон*). Вам нравится? Еще бы! (*достает из кармана мятый листок, далее читает с придыханием по бумажке*). Песенный секвенсор, метроном, реверберация, автогармонизация, 88 клавиш с чувствительностью к касанию... (*меняя тон*). Вы что, с ума сошли?! Какая грудь, какие трусики? Маньяк! (*бросает трубку*). Кругом одни козлы! Полоумные кретины! (*пауза*). Опять не повезло! Да... Если не можешь ничего изменить, измени хотя бы обои на мобильном... (*ковыряется в мобильном телефоне*). О, камера заработала! Надо же! Давай-ка, радость моя, сделаем тебе фотосессию. (*щелкает Актрису на телефон*).

Красотка! Жаль имени твоего не знаю. В театре была, но тебя на сцене не видела... Впрочем, не важно. Я, может, продавать тебя стану! А что – хорошая мысль! Так и самой познакомиться можно. А то мое мифическое пианино все равно никто не берет... Дам объявление: продаю абсолютно эксклюзивную услугу: реалити-шоу «За глянцевым окном». *(достает листок бумаги, карандаш. Карандаш ломается, достает точилку, ходит, точит карандаш, размышляет)*. Вы можете наблюдать Актрису – имя придумаем – в режиме онлайн прямо из моей квартиры. Напишем, что это гримерная, где она проводит две трети своего времени, иногда в окружении настырных поклонников... *обоих полов* – это сразу же увеличит потенциальную аудиторию! Для особо продвинутых вспомним Замятина «Мы» (роман о людях, которые жили в стеклянных домах); для обывателя настроим обнаженку: типа Актриса перемещается по гримерке без косметики, фотошопа, босиком, без лифчика, парика, в трусах, а так же без трусов. Гениально! *(быстро записывает придуманное)*. Остается назначить цену и не прогадать... Двести евро! За полчаса бесконтактного удовольствия – вполне реальная сумма. Чудненько! Можно еще меню практиковать и брать за это отдельную плату. Я ведь знаю, что у нее на обед: красные помидоры! Нафаршируем клубникой и скажем, что это эксклюзивный рецепт от ресторана, подающего ей на стол! Тут уже появляется элемент соучастия – типа клиент как бы рядом, кушает с Актрисой из одной миски. Даже эротично! Пам-пам-пам, оказывается, можно жить не только на одну зарплату! Умопомрачительно! Вот разбогатею, куплю черепаху. А лучше – двух, втроем веселее. А собаку не куплю, не люблю собак. Однажды решила навестить заброшенный ночной клуб. Когда-то мы часто туда ходили – вдвоем, в компаниях... Даже не знаю, что за блажь такая – фетишизм, или просто потянуло? Что я надеялась там увидеть? Свои следы? Его окурок? Не понятно. Видимо, ностальгия. Клуб во дворе хлебозавода – тоже забытого. Только вошла, а из кустов собака – сука оценившаяся – и на меня. Я назад побежала, а эта тварь схватила за джинсы и кусок выдрала! Хорошо, что не за ногу, это мне повезло: мода в те годы на клеш была – джинсы широкие пострадали, а я цела осталась. Вывод: прошлое тоже кусается, и лучше туда не лазить. А если уж захочется острых ощущений – разбей тарелку. Можно об чужую стену. Вон, и Актриса моя только что тарелку опрокинула. Ну, не специально, конечно, так, машинально – к телефону потянулась, она и рухнула...

Звонок мобильного телефона, Алина снимает трубку.

А л и н а. Але! Да, это Алина. Здрасьте! Объявление? Давала. Нет, пока что не продано. Наверное, вас дожидается. Да, практически новое. Alina Pro PS-200, цифровое пианино. Вы музицируете? Ах, вы актриса? В новой пьесе нужно уметь играть на рояле... В спектакле звучат живые инструменты... Понятно... *(выглядывает в окно, видит, что Актриса ТОЖЕ говорит по телефону. Алину осеняет, что говорит именно с ней)*. Простите, пожалуйста, а где вы находитесь территориально? Что вы говорите?! Вы знаете, а я ведь тоже живу

на Владимирском... *(отодвигает занавеску)*. Может, мы с вами соседи? *(смеется)*. Хотите послушать, как звучит инструмент? Минутку, я вам сыграю... *(подходит к магнитофону, нажимает кнопку, минуту звучит музыка)*. Вам нравится? Где я училась? В консерватории. Нет, я не даю уроки, я очень занята... Я концертирую. В основном по Европе, но бывают и восточные страны – Япония, Китай, Индия... Бывали в Индии? На гастролях? Интересно! Катались на слоне? Потрясающе! Нет, я не каталась, мне некогда: утром репетиция, вечером концерт, ночью банкет... Да, такая наша актерская жизнь... Ну, вы меня понимаете... Да... Будьте добры, расскажите про этот новый спектакль с музыкальными инструментами, очень вы меня заинтриговали! Так, ясно... Звучит «Полет шмеля». Выносят шмеля... под немецким флагом... Почему под немецким? Ах, это шмель с полосками как на флаге! Ага... Концептуально! Что? У главной героини – лунный удар... Она не помнит, когда последний раз нарезала хлеб? Всегда покупает его нарезанным... Сильно! Чего-чего она не понимает? Как летают самолеты, почему не тонут пароходы, откуда берется любовь и куда она исчезает... Н-да... как-то сложно все это... А сценография? Перфокарты и надкусанные яблоки? Это к чему? Ах, музыка электронная! Яблоки – в смысле, «Apple»? Ага. Ну, что ж, ладно! Успехов, так сказать, в творчестве и... да... Всего хорошего! *(отодвигает занавеску)*. О, Боже! Неужели все это лысый придумал?! Ну, точно псих! У них там все такие – и художник, и драматург. Бедная Актрисуля, душа подневольная! Играет в чем попало. После таких спектаклей, наверное, всю ночь ужастики снятся. Как на картинах Миа Макила. Еще чуть-чуть, и я совсем раскисну! Захочу что-нибудь хорошее для нее сделать: побегу в магазин покупать редиску и сладкий перец. А на День рождения подарю ей плюшевую свеклу. В виде подушки. Или подушку в виде свеклы. А что: есть такие подушки – успокаивающие. Ты на нее ложишься, а она тебе колыбельную... Маю-маюшки-маю – помолись на полынью... Или сказки рассказывает. Или до ста считает. Должна же быть какая-то радость у крепостных! Господи, благодарю тебя, что я не актриса! Сначала пять лет в институте рабочий день ненормированный, потом всю жизнь в театре от зари до зари пашешь. И еще не факт, что на авансцене. Некоторые до пенсии возле кулис трутся, даже в сериалах не участвуют...

Звонок мобильного телефона, Алина снимает трубку.

А л и н а. Але! Да, это Алина. Здравьете! *(отодвигает занавеску)*. Помню, конечно, мы с вами уже общались. Все-таки решили совершить покупку? Нет? Тогда зачем звоните? Поговорить?! Почему со мной? Репетируете роль пианистки? Да, это интересно... Так чем же я могу помочь? Рассказать свой день?! *(на лице Алины крайнее удивление, но она решает сыграть в эту игру)*. Нет, нет, вы меня не напрягаете, просто как-то неожиданно... Да что вы, какое вознаграждение! Хотя... билет на спектакль с вашим участием я приму с удовольствием! Только мне нужно свериться с моим графиком... Я сообщу позднее, ладно? Уточню расписание у моего директора. Хорошо. Итак, мой день. На гастролях или дома? Дома... Ну, что ж, я попробую... Просыпаюсь

рано, в семь часов. Муж варит кофе, приносит в постель. Я включаю Стравинского, выпиваю две чашки, иду в душ. Потом завтракаю. Как правило, это мюсли со сливками и свежие круассаны с корицей. Круассаны домработница Нюша покупает в лавке на первом этаже, а их, в свою очередь, привозят самолетом из Парижа. Мы? Мы живем на седьмом, а еще у нас мансарда, там студия мужа. Он художник. Да... на чем я остановилась? Завтрак. После завтрака сажусь за инструмент, муж уходит в мастерскую. Занимаюсь примерно до одиннадцати тридцати: повторяю текущий репертуар, либо разучиваю новые вещи. Потом иду в интернет, смотрю почту. В двенадцать звонит мой директор, сообщает последние новости, сплетни, читает рецензии критиков. Если нет никакого аврала в виде благотворительного концерта, где нужно быть непременно, я отдаю распоряжения Нюше насчет обеда, и спускаюсь в бассейн. Бассейн здесь же, в нашем доме: такой большой, неправильной формы, в античном стиле с подсветкой. Рядом джакузи, но там слишком горячая вода, я не люблю... В общем, плаваю полчаса, потом иду обедать. На обед у нас салат из морских гребешков, шашлык из осетрины, трюфели баварские с сыром, красное вино, фрукты. Впрочем, обеды, конечно, разные. Я говорю о вчерашнем. Кстати, вчера с нами обедал главный дирижер Большого театра, а сегодня я буду одна, поскольку гостей не предвидится, а муж уезжает на открытие выставки Зураба Церетели. Так... После обеда я отдыхаю сорок минут. Если не спится – читаю, или пересматриваю свои концерты на видео. Потом вместе с Нюшей мы изучаем гардероб и выбираем концертное платье. Это в случае выступления, как вчера. Если вечер не занят, он может быть абсолютно спонтанным. Например, муж вспоминает, что нас ангажировали на какой-то банкет. Или звонит подруга и приглашает поиграть в боулинг. Или мы вместе решаем сходить в ночной клуб. Как видите, я не консервативна: прекрасно понимаю, что кроме классической музыки есть и альтернативная. Короче, одеваюсь, вызываю такси, еду. Ну, а если остаюсь дома – ужинаю и отправляюсь гулять по саду. На ужин съедаю яичницу из двух яиц – Нюша жарит ее в виде даосской монады Инь-Ян – и выпиваю зеленый чай (наша домработница просто помешана на китайской философии!). А перед сном я принимаю ванну с лавандой и долго смотрю на рыбок. Аквариум – моя слабость! Чтобы быстрее уснуть, я считаю рыб и камешки на дне. Аквариум, кстати, вмонтирован в потолок... Вот, собственно, и все – день в общих чертах. Буду рада, если мой рассказ окажется полезным. Ну, что вы! Наоборот, мне приятно, что вы сыграете героиню моей профессии. Конечно! *(смеется)*. Не забудьте пригласить на премьеру! Мы с удовольствием придем. Муж обожает театр! Концерты классической музыки ему надоели, а вот театр... Что-что? Плохо слышно! Хотите посмотреть выставку мужа? *(пауза)*. Боюсь, в России это будет нескоро. Сейчас он выставляется, в основном, за границей. Так же, как и я – мои концерты на западе востребованы гораздо больше. Если найдете минутку заскочить в музей Прадо – милости просим! Да, такое время... Люди совсем перестали интересоваться искусством... Наверное, у вас тоже не всегда аншлаг? Понимаю... А сколько названий в месяц вы играете? Десять? О, это много! Поздравляю! Простите, а кто будет ставить спектакль с пианисткой?

Петер Штайн?! Невероятно! Работать с таким режиссером – огромное счастье! Необыкновенный человек. Я встречалась с ним на приеме в Кремле, он фантастически музыкален! Вам повезло. Думаю, спектакль будет удачным. А что еще у вас в планах? Снимаетесь в новом фильме Кустурицы?! Грандиозно! А кого играете? Труп девушки, который оживает... Понятно... А о чем картина? О любви! Ну, естественно, куда ж без этого... Норштейн? О-о-о, ферштейн! Конечно, знаю! Как мило! Озвучивать мультики, наверное, очень занятно... Да, да, я вижу, что к вам пришли... то есть, слышу, как дверь открылась. Ладно, приятно было пообщаться. Если появятся какие-то вопросы – звоните, с удовольствием посодействую. Всего доброго, счастливо! *(Алина вешает трубку)*. Господи, она знакома с Норштейном, Кустурицей, Петером Штайном и еще Бог знает с кем! Это же... это же... небожители, люди Олимпа, служители Мельпомены! Она вот так, запросто, выпивает с ними коктейль, а они дарят ей розы и целуют ее нежнейшие ручки! Фантастика! Нет, я не хочу смотреть спектакль с ее участием – вдруг она плохая театральная актриса? Так бывает: в театре актер никакой, зато в кино... Лучше дождусь фильма! *(включает магнитофон, танцует под музыку – разыгрывает сценку с собой и прислугой: подзывает воображаемую Ньюшу – колокольчиком, либо чайной ложечкой, позвякивая о стакан. Потом сама вбегает за Ньюшу, приседает в книксен, подает пальто и т.д.)* Надо же! Когда врешь, да еще так убедительно, оказывается, сама начинаешь верить в собственный бред. А правда даже не посередине, она где-то в хвосте *(пауза)* неродившейся кошки... И это самое страшное – жить и знать, что не будет ни рояля, ни концертов, ни мужа-художника. В крайнем случае, бассейн, если наша начальница договорится с его директором, чтобы мы ходили туда за полцены. Обидно сидеть в одном помещении с бассейном и ни разу не окунуться... А, может, уволиться к чертовой матери?! Тем более что мне нельзя работать в зоомагазине, я совершила убийство... Это странно, что Гринпис до сих пор за мной не пришел... Мне было двенадцать лет, когда однажды, летом на даче, я чистила клетку волнистого попугайчика и задумала избавиться от мелопситтакуса. За четыре года нашей совместной жизни, эта маленькая, вечно орущая зеленая птичка, изрядно меня достала! И вот я решила... ее отпустить! Отлично понимая, что без привычной еды, воды и жилья, она наверняка пропадет – станет легкой добычей кошки или вороны. Но, тем не менее, я сделала это. Родителям сказала, что забыла закрыть дверцу, и попугай улетел. Теперь мне стыдно, но тогда я почувствовала невероятное облегчение. Во всяком случае, больше никто не гадил мне на голову, и не долбил стены в поисках кальция. *(отодвигает занавеску, смотрит)*. Гляди-ка, уже переделась! Видимо, это профессиональное: быстрее всех раздеваются актрисы и проститутки. О, Стручок нарисовался! Кальян приволок. Зачем ей кальян?! Лучше бы противогаз принес. С такой брезгливостью только в барокамере жить. Не пойму: их трое? А третий кто? Новая фигура. Неужели... Эдичка?! Господи, откуда?! Не может быть! Столько лет... Вот уж точно мир тесен. Значит, кальян для тебя?! И ты будешь его курить? Эдичка, ты так нужен этим людям, что они даже кальян для тебя приготовили?! Но зачем? Ты здесь зачем?! Не

верю глазам: ты наконец-то отрезал этот жалкий хвостик с резиночкой и вынул кольцо из уха? Прогресс! Однако, не во всем. Портфель все тот же. А в нем – рукопись? Ошиблась! Ну, да, конечно, бумага – прошлый век. Тем более что ты никогда не мог написать четыре слова подряд одним и тем же почерком... У тебя в сумке отличный нетбук! Что, не включается? Ах, батарейка села... Да, да, поищи розетку – она в аккурат под ее платьем. Все в порядке! Можно читать стихи. Или не стихи? Мама мия! Пьеса! Эдичка, ты стал драматургом? Ты же ненавидишь театр! Сценаристов ты считаешь мальчиками по вызову, написание диалогов – литературным онанизмом. Единственно чистый жанр – изящная словесность! Интересно, в какой заднице твои стихи? Где твои теории и принципы? А, может, их и не было вовсе? Может, ты просто самоутверждался за мой счет? А по ночам строчил пьесы и раздавал актерам? Забавно! Наверно, мы просто не знаем друг друга... Я-то тебя вообще никогда не интересовала, так же, как и любое мое мнение. Ты обманул меня! Свою жизнь я подменила твоей, поэтому моя отложились на потом. А потом, как известно, ничего не бывает – бывает только здесь и сейчас. В наших с тобой отношениях изначально сквозил финиш: выходить замуж за человека, который старше... не буду говорить, на сколько – это утопия! У тебя к тому времени уже много чего произошло, а я была маленькой, и хотела только одного – вырасти. Но мое взросление началось сразу с конца – со старения: ты вливал в мои уши не те ценности! Не дом, семья, родина, а съемная квартира, гостевой брак и, впоследствии – эмиграция в Канаду. (*иронично*). О, заграница! Что-то ты недолго протусовался в своем Квебеке. Еще бы! Зачем *там* перо и бумага? Там нужна клюшка и защитный шлем! А у тебя только амбиции литератора и новый костюм от Юдашкина. Хороший у меня бинокль, правда? Все вижу! Жаль, звук не доходит! Не слышно ваших вздохов – твоих и этой краснощекой дуры. Надо же! Деликатный Стручок покинул трио – какая изысканная игра! Можно сказать – мегапоступок! А что – в этом есть свой резон: подложить ей в койку тебя, дабы она почувствовала силу искусства изнутри, так сказать. О, дашиш фантастиш! Лифчик расстегни, придурок! Да спереди, идиот! Молодец! Теперь она наверняка утвердит твою писанину. Насколько я понимаю, за ней последнее слово. Как интересно: видимо, это уже четвертая женщина в твоей жизни, за которой последнее слово. Впрочем, мне безразлично. (*обращается к домику*). Мне индифферентно! (*громче*). Мне по фиг, слышишь? И вообще: я никуда не ушла! С чего ты взял, что я решила уйти?! Ну, может, я выходила на пару лет, но теперь-то я вернулась! Я вернулась, ясно? Кстати, милый: по моему, ты ошибся адресом. Мой подъезд второй, а не четвертый! (*набирает номер на мобильном*). Алло, здравствуйте! Позовите, пожалуйста, Эдика. Это его литературный агент. Звоню вам, потому что свой мобильный он оставил дома. Да, рассеянный, как все художники! Сказал, что собирается к вам... А ваш номер мне дали в дирекции театра. Спасибо! (*пауза*). Эдичка, привет! Как поживаешь? Ну, это не трудно... У тебя в башке чип. Теперь тебя можно отслеживать по спутнику. Ага, я все прикалываюсь. А ты все серьезничаешь. Да ладно, я и не думала тебя вычислять, ты сам нарисовался. Отодвинь занавеску, я тебе ручкой сделаю. Да не скрипи, я сказала, что звонит твой

литагент. Короче, приходи после читки, у меня для тебя шикарный монолог. Это был таймаут, я пребывала вне игры. Сейчас все изменилось. Придешь? Подъезд напротив, последний этаж, там всего одна квартира. Нет, я тебя не разыгрываю. А ты представь, что я ходила в магазин за помидорами. Я помню, что ты их не ешь. Господи, да какая разница? Я? Тебя? Как красавицу-княжну – в набежавшую волну, за борт кинула? Глупости не придумывай. Почему не можешь? Актриса выходит замуж? Ну и что? За тебя?! А, все равно приходи. Или вот что: приходите вдвоем! У меня есть отличное цифровое пианино. Песенный секвенсор, метроном, реверберация... Сыграем? Видишь, я не ревную. А вот ты врешь. Нет у тебя никого, кроме меня и твоих стихов ко мне. И не будет. Потому что каждый тащит в будущее свое прошлое. И с большим удовольствием! Приговаривая, что это те самые ценные уроки. Опыт – блин – ошибок трудных сын! И все-таки, Эдичка, мне искренне жаль, что между нами всегда было закрытое окно. И даже, когда мы попытались его разбить, нам тут же поставили непроницаемый стеклопакет. Увы! Все эти годы мы общались через форточку. Только не старайся меня разубедить. Короче, я жду! (*вешает трубку*). Не придет. (*пауза*). Не придет – и правильно сделает. А если придет?! Не открывать? Какое позорное бегство! Надо навести порядок... (*запихивает все три домика в один*). Чего испугалась? Знакомых рук? Шагов навстречу? Интересно: почему знакомое страшит больше? И вообще: разве это шаги? Обыкновенное, не слишком уверенное, топтание на месте. Как на подростковой танцплощадке: близок локоть, да не коленка! Вполне безопасная дистанция. Расстояние вытянутой руки, когда всем ясно, что ничего не было. Главное не пытаться разрушить то, чего не было. Все равно ничего не получится. Холодно... Почему так холодно? (*подходит к окну*). Знакомый запах... Кальян? Такое ощущение, что курит весь подъезд. Никогда мне не нравился этот запах. Восточные сладости не для меня. Если только восточные сказки, придуманные тобой. Помнишь? Они всегда начинались и заканчивались одинаково...

Звонок в дверь. Алина идет открывать.

Г о л о с. Вам просили передать...

Алина возвращается с большим пакетом, ставит на пол, разворачивает, извлекает домик для кошки размером метр на метр. Смеется.

А л и н а. Они всегда начинались и заканчивались одинаково. Как «Сказка сказок» Норштейна – большим зеленым яблоком. Каждый вечер я ждала этих яблок, этих сказок про то, как высоко летают самолеты, как никогда не тонут пароходы; сказок про любовь, которая неизвестно откуда берется, и непонятно куда исчезает. Может, прячется где-нибудь в косметичке, может, растворяется в дыме твоего кальяна, а, может, просто – тупо выходит замуж. А, может, она вообще одна на всех, и ты передаешь ее дальше. Только вот с чем же ты остаешься? С «Алиной про»? С этим цирком из пяти домиков? Нет, Эдичка, я в любом случае буду мучиться: с тобой или без тебя – не важно. Моя жизнь

постоянно упиралась в оконную раму, на ней уже такая вмятина, что даже кальян не поможет... Это только у кошек нет окошек, у них все окошки – двери, за которыми поют перелетные попугаи и расцветают красные помидоры. Так что приходи-ка ты лучше во сне. Я буду ждать тебя на Марсовом поле у Вечного огня, рядом с надписью «Юному артисту-агитатору». Как тогда, в конце 90-х, помнишь?..

Звучит музыка. Алина снимает халат, под ним шикарное вечернее платье. Минуту танцует, потом залезает внутрь большого домика. Музыка умолкает.

Занавес